

А. Г. Тимофеев

«КОМЕДИИ О СВЯТЫХ» М. КУЗМИНА (1907):
ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

(На материале «Комедии о Алексее человеке Божьем»)*

Принципы трансформации древнерусских текстов в произведениях М. Кузмина — в отличие от вопроса о взаимоотношении целого ряда текстов А. М. Ремизова, А. А. Блока, М. А. Волошина и их древнерусских источников¹ — почти не привлекали внимания исследователей до недав-

* Из-за большого объема исследования списки цитирований «Комедии о Евдокии из Гелиополя» и «Комедии о Мартиниане» были оставлены за пределами настоящей публикации. С ними можно ознакомиться в диссертации автора «Рабочие тетради М. Кузмина как литературный и биографический источник» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2005). Выписки Кузмина из житий блаженной Евдокии и Мартиниана Палестинского и планы соответствующих комедий помещены нами в Приложении.

¹ См., в частности: *Лурье А. С.* А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат» // Русская литература. 1966. № 4. С. 176—179; *Дмитриева Р. П.* «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 155—176; *Грачева А. М.* 1) Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип // Там же. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 388—400 (текст повести републ.: Русская литература. 1988. № 3. С. 118—134); 2) «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 216—222; 3) Древнерусские повести в пересказе А. М. Ремизова // Русская литература. 1988. № 3. С. 110—117; *Пигин А. В.* Повесть А. М. Ремизова «Соломония» и ее древнерусский источник // Русская литература. 1989. № 2. С. 114—130; *Климова М. Н.* «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 89—100; более подробный обзор литературы вопроса: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 7—9; *Stelleckij V. I.* А. А. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igors» // Zeitschrift für Slawistik. 1971. Bd 16. N 4. S. 557—580; *Левинтон Г. А., Смирнов И. П.* «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 72—95; *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» Аввакума // Там же. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 14. С. 408—412; *Робинсон А. Н.* Незданная поэма М. А. Волошина о Епифании // Там же. М.; Л.: Наука, 1961. Т. 17. С. 512—519; *Коновалова О. Ф.* «Написание о царях московских» И. М. Катыхрева-Ростовского в переложении М. А. Волошина // Там же. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 380—384; *Панченко А. М., Смирнов И. П.* Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // Там же. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 33—49; *Смирнов И. П.* 1) Барокко и опыт поэтической культуры начала XX в. // Славянское барокко:

него времени. В ряду современных трудов, посвященных его творчеству, эта проблема обсуждалась только в содержательной статье Е. В. Тырышкиной об отражении «Синайского патерика» в повести Кузмина «Крылья».²

Однако уже первые исследователи кузминского творчества наметили программу изучения взаимодействий сочинений Кузмина с различными культурами. Так, американский исследователь творчества поэта В. Марков писал: «Связи Кузмина с гностикой и александрийской культурой должны быть тщательно изучены, как и связи с греческой, латинской и итальянской поэзией, с греческим, латинским и французским романом, с Прологом и другой старорусской литературой».³ Необходимость изучения влияния древнерусской культуры на творчество М. Кузмина становится очевидной и при знакомстве с трудом-летописью Дж. Малмстада «Михаил Кузмин: Хроника его жизни и эпохи». В этой работе представлены биографические сведения об изучении Кузминым древнерусской литературы, сообщается о его поездках по районам «древлего благочестия», рассказано о собирании поэтом старопечатных изданий.⁴ Менее подробно, что обусловлено малым объемом статьи, замечания на эту тему Г. Г. Шамова в его обстоятельном исследовании «Блок и Кузмин: (Новые материалы)».⁵

Воспоминания современников также отразили увлечение и знание Кузминым древнерусской культуры и словесности. В качестве формальных примеров сошлемся на ироническое сообщение Г. И. Чулкова о цитировании Кузминым наизусть Пролога⁶ и на указание А. М. Ремизова на факт наличия старопечатного (-ых?) Пролога в кузминской библиотеке («...были у него редкие книги старопечатные (Пролог) и рукописные, и знаменитые

Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 335—361; 2) Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX—начала XX вв. (На материале «Слова о полку Игореве») // Блоковский сб. [Вып.] 4. Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Тарту, 1981. С. 246—276 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 535); и т. д.

² См.: Тырышкина Е. В. «Синайский патерик» в «Крыльях» М. Кузмина. (Христианский текст в нехристианском контексте) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 300—307 (Проблемы исторической поэтики. Вып. 3).

³ Марков В. Поэзия Михаила Кузмина // Кузмин М. А. Собр. стихов: [В 3 т.] / Hrsg., eingel. u. komment. v. John E. Malmstad u. V. Markov. [Т.] 3. Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине. München: Wilhelm Fink Verl., 1977. S. 406 (Centrifuga: Russian Reprintings and Printings. Vol. 12/III); то же: Марков В. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 144.

⁴ См.: Malmstad John E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собр. стихов: [В 3 т.]. [Т.] 3. S. 53—61.

⁵ См.: Шамов Г. Г. Блок и Кузмин: (Новые материалы) // Блоковский сб. [Вып.] 2. Труды Второй науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 346—347.

⁶ Чулков Г. Вчера и сегодня // Народоправство. 1917. № 12. С. 9; впервые приведено в исследовании: Шамамов Г. Г. Блок и Кузмин: (Новые материалы). С. 358; затем — в жизнеописании Кузмина: Malmstad John E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times. S. 226; еще раз — в кн.: Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М.: Новое лит. обозрение, 1996. С. 203 (Новое лит. обозрение. Науч. приложение. Вып. 5). Ср. безупречное доказательство использования Кузминым сюжета из «Лимонаря» в редакции XVIII столетия в повести «Крылья» (Тырышкина Е. В. «Синайский патерик» в «Крыльях» М. Кузмина... С. 304—307).

крюки (ноты) <...>».⁷ Можно привести и обильные выписки из Пролога и Четых Миней, включенные Кузминым в его литературный опыт начала 1920-х гг. «Чешуя в неводе. (Только для себя)», который был представлен автором в кратком вступлении как собрание выдержек из собственного Дневника за 1916—1921 гг. Характер и стиль этих фрагментов таковы, что в них легко усмотреть иронические интонации, особенно при сопровождении выписки насмешливым кузминским комментарием. Часто темой такого комментария становится произвольно домысливаемый эротический подтекст житий, как правило, внятный Кузмину-читателю, но посторонний для житийного текста. Приведем несколько примеров: «„Аще прельстит тебя тщеславием, сотвори дел о или образ пред людьми, да обесчестят тебя“ (Пролог на 25 марта). Теория, могущая повести к соблазну»; «Чудо о расслабленном священнике, где под дождем его носят из бани в баню и святой является в виде банщика, изобилует интереснейшими подробностями (М<инеи> Ч<етьи> М<акария>. 1 ноября)»; «Старец принимал посетителей летом почти голым и клобук носил задом наперед. Соблазнялись. На упрек отвечал: „Мы не людям работаем; кто хочет поучаться, пусть поучается, кто хочет соблазняться, пусть соблазняется. Я делаю свое дело — прочее же мимо идет“. И ученику велел говорить грубую правду: „Если ем, — говори: «Ест», если сплю, говори: «Спит»“. (Пролог 17 мая)».⁸

Одним из первых дошедших до нас творческих результатов этого неподдельного интереса Кузмина к древнерусской культуре и словесности стали его комедии о христианских святых — блаженной Евдокии (1907;

---

⁷ Ремизов А. Куха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 107. В научной литературе впервые приведено Дж. Малмстадом, см.: *Malmstad John E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times*. S. 58.

⁸ Кузмин М. Чешуя в неводе. (Только для себя) // Стрелец: Сб. третий и последний. СПб., 1922. С. 100, 107—108. Вслед за последней из цитируемых записей, словно в подтверждение привычке усматривать в житийном тексте посторонний ему эротический смысл, Кузмин замечает: «Выписка — чаще вода на свою мельницу, а не убеждение в противном» (Там же. С. 108). Возможно, кузминский эротизм в данном случае основан на знакомстве с монастырской гомосексуальной практикой, о которой в литературе говорится исключительно скупо. Из научной литературы 1920-х гг. нам известен только один пример такого свидетельства: «Лет 13 его взял с собой в деревенскую баню его учитель, холостяк, лет 60-ти, стал обнимать его, целовать, научил его онанизму («общему рукоблудию») и сношению через рот, *fellatio*. Дальше до переезда (в возрасте 16 лет) в Москву (1911) он имел аналогичную близость с послушником монастыря, подглядывал за церковным сторожем в шелку уборной <...>. Ездил в монастырь к послушнику и принимал его у себя»; «Много встреч имел (после 1923 г. — А. Т.) среди духовных, преимущественно высокопоставленных, был в связи с келейником двух архиепископов и с 4 епископами, даже с игуменами и архимандритами (сейчас эти лица частью умерли, частью в ссылке). О более простых лицах из духовенства „и говорить нечего“. Весь духовный мир, по его словам, „заражен мужеложеством“. Познакомиться с архиереем очень просто: стоит только пойти к архиерейской службе, стоять „близко от владыки“, смотреть на него, подойти под благословение и „если он такой же, как я, то и получишь прямо приглашение“. Знакомства эти у него были еще до революции, когда хаживал с матерью в Оптину пустынь на богомолье. В последние годы был особенно близок с одним провинциальным епископом, ездил к нему в уездный город. С духовными лицами сходилась „по любви“: „не возьмешь же последнюю панягию“» (Белоусов В. А. Случай гомосексуала — мужской проститутки // Преступник и преступность: Сб. 2 / Под ред. Е. К. Красушкина, Г. М. Сегал и Ц. М. Фейнберг. М.: Изд. Мосздравотдела, 1927 (обл. 1928). С. 310, 313).

публ. 1907), Алексее человеке Божьем (1907; публ. 1907) и Мартиниане Палестинском (1907; публ. 1909). Два противоположных начала, апологетическое и кощунственное, составили в этих драматических опытах нерасторжимое единство, во многом и предопределившее парадоксы первых критических оценок.

Современникам Кузмина было нетрудно очертить возможный круг источников его комедий о святых. Однако свои отзывы о комедиях («Комедии о Алексее человеке Божьем») поэт-символист Сергей Соловьев и критик А. А. Измайлов построили так, словно хотели специально запутать читателя или зрителя, который заинтересовался бы конкретным источником произведения. С. М. Соловьев приводит название отдельного издания «комедий» неточно, делая отсылку лишь к одному из возможных источников текста, причем никак в книге не обозначенному: «И вот перед нами последняя книга Кузмина „Комедии на темы из Пролога, о Евдокии из Гелиополя, о Алексее человеке Божьем, о Мартиниане“. Для всех комедий характерно соединение византийского колорита <...> с наивностью средневековой мистерии <...>».⁹ В оценке другого критика «Комедия о Алексее человеке Божьем» лишь «ребяческое упражнение Кузмина», «прямо перевод с французской рукописи», словно выполненный «сквозь призму» XVIII в.¹⁰ Он усиленно подчеркивает, что Кузмин намеренно порывает с предшествующей традицией: «Конечно, этот добровольный отказ от радостей жизни (подразумевается выбор Алексея человека Божия. — А. Т.) — драма. Но, повинувшись модному спросу, Кузмин ни на минуту не углубляется в эту драму. Он держится намеренно лубочных тонов и лубочного рисунка и, таким образом, с величайшею, истинно обезьяньей точностью копирует тот драматический хлам, какого у нас осталось немало от времен Полоцкого. Кузмин, может быть, даже не заглянул в Четьи-Минеи, потому что не взял оттуда ни одной блестки. Так и кажется, что и самый сюжет, и форма „комедии“ ему внушены каким-то французским пересказом трогательной русской легенды».¹¹ Сходным образом С. М. Соловьев подчеркивает, что Кузмин «слишком часто» «впадает в шарж и карикатуру» и даже «доходит» «до прутковщины».¹² Но для этого рецензента, как человека религиозного и православного, более важным представляется то обстоятельство, что Кузмин в своих произведениях впадает в «кощунство (автор, по-видимому, сам сознает это, как явствует из предисловия)».¹³ Соловьеву ведомо, что «глубоко религиозный человек может в веселую минуту высмеять свою святыню», но все же в пьесах Кузмина ему видится в первую очередь прямое кощунство: «Но подлинно кощунственно со-

⁹ Весы. 1909. № 3. С. 93.

¹⁰ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. [М.: Т-во И. Д. Сытина, 1910]. С. 88, 86.

¹¹ Там же. С. 87. О том, что комедии «страдают <...> легкомыслием трактовки, губящим драматизм сюжета <...>», сообщалось и в хронике журнала «Золотое руно». «Ни действия, ни страсти, ни даже развития положений в них нет, — утверждал хроникер. — При таких условиях не спасает и свойственное автору чувство эпох» (Золотое руно. 1909. № 4. С. 87).

¹² Весы. 1909. № 3. С. 94.

¹³ Там же.

единение в одном моменте умиления перед святыней и глумления над нею».¹⁴

На самом деле работа Кузмина над текстом комедий о трех святых велась иначе. Он пользовался именно теми источниками, относительно которых критик, заблуждаясь, заявил, что автор в них «даже не заглянул». В наше время стало возможным подтвердить это утверждение выпиской из Дневника Кузмина. 22 февраля 1907 г. он записал: «Сидел дома, но не писал. Разбирал сундук, чтобы достать „Четьи-Минеи“ для мистерий. Я не знаю, что со мною делается, перед чем это».¹⁵ В самом деле, никаких цитатных пересечений, а тем более «блесток», «с точностью» скопированных из, например, киевской агиографической пьесы XVII в. о Алексее человеке Божьем,¹⁶ в пьесе Кузмина об этом святом — нет и в помине. Однако же «блестки», т. е. детали, восходящие к житийному источнику и рассыпанные по новому тексту, словно невзначай, без видимого, на первый взгляд, смысла, говорят как раз о противоположном тому, на чем настаивал Измайлов: Кузмин не только внимательно штудировал соответствующие жития, но и читал их, делая выписки. Выходит по слову самого поэта и драматурга: «Обладая слабою памятью, я принужден не только работы, но и простые ежедневные чтения сопровождать выписками» (1922).¹⁷

Сочинение комедий стало во многих отношениях итогом продолжительного периода жизни и творчества Кузмина, когда религиозные и идейные искания обладали для него первостепенной важностью. После поездки в Италию в 1897 г. и проснувшегося под воздействием католического священника монсиньора Мори интереса к католицизму и западной культуре Кузмин, приехав домой в Петербург, обратил свой взор на православные и русские источники. Спустя примерно десятилетие он вспоминал об этом времени так: «То я ничего не хотел, кроме церковности, быта, народности, отвергал все искусство, всю современность, то только и бредил D'Appunzio,¹⁸ новым искусством и чувственностью. Потом, пойдя глубже в русское, я увлекся расколом и навсегда охладел к официальному православию. Войти в раскол я не хотел, а не входя, не мог пользоваться службами и аппаратом так, как бы хотел».¹⁹ Летом в начале 1900-х гг. Кузмин неодно-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кузмин М. Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2000. С. 324. Однако спустя некоторое время и в том же Дневнике Кузмин словно позабыл о зафиксированной им же самой важности житийного текста в процессе создания «комедий»: «Укрепляюсь в мнении сделать из Евдокии *ope fadeur* (безкуисицу (фр.). — А. Т.) XVIII века» (12 марта 1907; Там же. С. 332).

¹⁶ См.: Русские драматические произведения 1672—1725 годов / К 200-летию юбилею русского театра собраны и объяснены Н. Тихонравовым, профессором Московского университета. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874. Т. 1. С. 3—75 (2-я паг.).

¹⁷ Кузмин М. Чешуя в неводе... С. 95.

¹⁸ См. новейшую публикацию, воскрешающую одно из ранних проявлений интереса Кузмина к творчеству Г. Д'Аннунцио (не сохранившийся в полном объеме перевод, 1898): Дмитриев П. «Сон в осенний вечер» Г. Д'Аннунцио в переводе М. А. Кузмина: [Вступ. заметка]; [Кузмин М.] Сон в осенний вечер: Трагическая поэма Г. Аннунцио // Archivio italo-russo II / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin = Русско-итальянский архив II / Сост.: Д. Рицци и А. Шишкин. Salerno, 2002. С. 89—113.

¹⁹ Михаил Кузмин. *Histoire édifiante de mes commencements* / Публ., [вступ. заметка] и коммент. С. В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы

кратно жил в гостях у сестры в Василе (Васильсурске) Нижегородской губернии. В одном из дружеских писем 1902 г., накануне работы над музыкальным сочинением по мотивам «Повести о Савве Грудцыне» (XVII в.), он поделился с Г. В. Чичериным (Юшей) впечатлениями от своего летнего времяпрепровождения, всецело захваченный поэзией народного быта и среднерусской природы: «Живу я в яблонных садах на горе над слиянием Суры с Волгой, за Сурой лески, поля и луга с деревьями, но я сижу спиной к этому виду, похожему и идущему к центру черноземной России, со взором за Волгу, где за широкой ramenью, поросшей травой, кустами, пересеченной речками, ручьями и болотцами, начинается дубовый лес, а на горизонте высится темный бор, тянущийся на северо-восток к полу-Сибири. От него не оторвать взора, и так щемит сердце от этого речного и лесного простора. До этого я был в разных местах и в Казани. <...> Но я ничего не пишу и не знаю, что выйдет».²⁰

Напомним, история Саввы Грудцына, которая привлекла внимание Кузмина, — это повествование об искушении бесхитростной души дьяволом. Посланный отцом по торговым делам в один из городов Соли Камской купеческий сын Савва был соблазнен замужней женщиной, но воспротивился ее домогательствам в день Вознесения Христова. За это она стала присушивать его любовным зельем. Снедаемый страстью, Савва подписал договор о продаже своей души дьяволу в обмен на помощь в сердечных и прочих делах, «гулял» по Руси, совершал благодаря своему «помощнику» подвиги при осаде Смоленска русскими войсками в 1632—1634 гг. С приближением срока расплаты он, однако, устранился содеянного и был спасен Богородицей после того, как раскаялся и произнес обет стать монахом.

К бесконечно волновавшей его теме странствия души в поисках истины Кузмин-драматург подобрал не одну иллюстрацию. В незрелой «драматической поэме» «История рыцаря д'Алессио» (1903; публ. 1905) автор провёл своего героя всеми мыслимыми путями испытаний: Асторре терпит кораблекрушение, участвует в крестовом походе, посещает анахоретов в Фиваиде и пр. и пр., так до последней сцены в масонском храме, когда рыцарь устает чести попасть в узкий круг посвященных. Прямым возвращением к прототипическому сюжету «Саввы Грудцына», к ситуации заключения договора купли-продажи между человеком и дьяволом, который оплачивается человеческой душой, стала впоследствии пьеса «Рыцарь, проигравший свою жену черту» (1917; публ. 1994).

Но если «Савва Грудцын» (текст этого произведения остается пока неизвестным) был, судя по всему, сочинен Кузминым как один из моментов уточнения им единой и единственной истины, в то время, когда в письме к Чичерину его автор рискнул утверждать: «Истин как логических утвержд<ений> — 1000, отсюда и противоречия философск<их> систем,

конф. 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 153. Слова Кузмина об окончательном «охлаждении к официальному православию» следует воспринимать лишь как отражение его взглядов середины 1900-х гг. В советские 1920—1930-е гг. — время жестокой борьбы большевистской власти с православной церковью — они претерпели изменения, о которых свидетельствуют и произведения самого Кузмина (стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером...», 1924), и свидетельства мемуаристов (Б. В. Горнунг, В. Н. Петров).

²⁰ Письмо от 11 июля 1902 г. // РНБ, ф. 1030, № 54, л. 14.

и диалектика и софистика — любимые чада логики. <...> Но истина как божественное откровение, правая вера и правоверная жизнь и быт — одна. И она права, хотя бы ее исповедовали 2 человека, все же остальное ложь и соблазн; права и обязательна во всех мелочах»,²¹ — то комедии рождались в период дружеских кружков, новых артистических знакомств, философического скепсиса. Они написаны уже после «Трех пьес» с их танцами и очаровательной путаницей (не нарушающей, между прочим, течение любовной интриги), кто герой, а кто героиня. Это и способствовало тому, что одна из комедий, рассмотренная вне еще не возникшего общего контекста трилогии, была воспринята А. А. Блоком как «наиболее совершенное создание в области лирической драмы в России» по аналогии с его собственной драматургией той поры.²² И Блок мог бы уйти недалеко от истины, если бы в личности Кузмина лиризм предшествовал артистичности, театральности, но было — как раз наоборот.

Однако нельзя забывать о том, что в комедиях Кузмин, несмотря на элементы «фарса», хотя бы и «священного», отмеченные Блоком в одной из них,²³ доступными ему художественными методами исследует тему жизненного пути человеческой души, обреченной в своем земном странствии осуществлять свободный выбор добра или зла. Он лишь развивает тему своего «Саввы Грудцына» (это можно предположить) и «Истории рыцаря д'Алессиво» в новых формах. Издавая комедии в одном изящном томике, Кузмин предпослал всем трем драматическим опытам общее предисловие, намекая на то, что в итоге пришел к восприятию этих вещей как целостной структуры: «О, милые мои герои! Евдокия, блудница со щедрой душой, Алексей, Христов скрытник, Мартиниан, бесстрашник неуязвимый, — простите неумелость непривыкшей руки, улыбку, которая вас пусть не оскорбит: если продлятся дни мои, другие песни услышит ваше благостное ухо, даст Бог, но и теперь вы близки мне, возлюбленные помощники. Признание априорной кощунственности комедий, содержащееся в указании на «улыбку» автора, производно от самых условий кузминского вдохновения, которое возвело поэтическую «перелицовку» и драматизацию житийных повествований в принцип создания драматической трилогии. Однако семантическая многосмысленность комедий раскрывается лишь при обращении к иным силовым полям заложенных в них идей — «августиновскому» и традиционно христианскому. Принимая мысли Блаженного Августина о предопределении как позитивное руководство для своих героев (ср. финальные реплики Ангела в «Комедии о Евдокии...» и Рассказчика в «Комедии о Алексее...»), Кузмин, похоже, разделяет и августи-

²¹ Недатированное письмо (окт. 1901 г.) // Там же, № 52, л. 39—40.

²² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Проза. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 184. Ср. меткое суждение исследователя по поводу этого отзыва: «В основе оценки лежат <...> мотивы, в которых Блок, может быть, очень субъективно, усмотрел более тесное, чем в действительности, родство с принципами собственной драматургии — ее специфическим лиризмом и особой иронией» (Федоров А. В. Ал. Блок — драматург. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 19). Статья Блока «О драме», откуда взято цитированное суждение, появилась на страницах журнала «Золотое руно» (1907. № 7—9. С. 122—131), когда из трех впоследствии включенных в один сборник комедий была опубликована лишь одна — «Комедия о Евдокии из Гелиополя» (см.: Цветник Ор: Кошница первая. [СПб.], 1907. С. 59—93).

²³ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 183.

новское учение о двух свободах — *libertas minor* и *libertas major*, где первая является свободой избрания добра, а вторая — свободой уже в добре и Боге. При этом подразумевается, что с возможностью греха и зла связана только первая свобода, *libertas minor*. С этой точки зрения положительная, противостоящая «улыбке» семантика трех комедий будет приблизительно такова.

Евдокия из Гелиополя, «блудница со щедрой душою», сначала, до узнания христианских истин, пребывает в беспросветной языческой тьме. Посвящение в суть христианского учения приводит ее к выбору добра, разрыву с прежней жизнью и, позднее, к обретению конечной свободы в неизвестных ей ранее масштабах. Поэтому столь бесполезны все ухищрения влюбленного Филострата: Евдокия, став подвижницей, обрела высшую свободу и уже неподвластна злу, каковым в такой ситуации необходимо становятся любовь и брак. Вряд ли можно сомневаться в том, что одна из заключительных реплик Евдокии, в которой выражена уверенность, что Филострат «пострижется у аввы Германа» и, когда это случится, их «будет разделять только долина ручья», совершенно чиста и не содержит, как, может быть, и кажется Филострату, никаких обольстительных намеков.

Сын Евфимиана Алексей с детских лет вознамерился вести святую жизнь. В комедии, посвященной ему, Кузмин сначала строго следует агнографическому канону. Суть проблемы в том, что в детстве и юности Алексей так и не познал, что есть свобода, и ему никогда не приходилось совершать ответственный и сознательный выбор. Возможность и необходимость этого выбора появляется у Алексея вместе с Мастридией, сочетание браком с которой видится герою, в полном соответствии с его верой, потенциальным злом; спасение он усматривает в девственности, браке небесном. Алексей оставляет отчий дом, бежит Мастридии.²⁴ В итоге его душа добирается до небес высшей свободы, обрекающей его на житейскую трагедию: по возвращении в родной Рим не открывать себя родственникам, невзирая на осведомленность о горе и печали Мастридии и близких.

В третьей комедии Кузмин изображает Мартиниана Палестинского, к моменту начала действия уже монаха. В терминах обсуждаемой концепции это означает, что период жизни, когда вопрос об избрании пути добра или зла был актуален для Мартиниана, остался в прошлом. Мартиниан — монах, и душа его уже достигла ступени высшей свободы. Поэтому все попытки дьявола искушить Мартиниана терпят крах, отскакивая от праведника, как мячи.

Такое представление о «милых моих героях» в сознании Кузмина, как человека, за плечами которого к моменту создания комедий остались долгие искания религиозной истины, более чем вероятно, несмотря на заявление об «улыбке», сопровождающей общение в духе с переносимыми в область литературы святыми. В качестве подтверждения реальности нашего

²⁴ Ср. замечания Ю. М. Лотмана об «особом отношении к путешественнику и путешествию» в древнерусской литературе: «...длительное путешествие увеличивает святость человека. Одновременно, стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь. Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» (Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Учен. зап. ТГУ. Вып. 181. Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 212).

допущения уместно привести суждения о святых, вложенные в уста вымышленного современника Кузмина — отца Ниты Опаринной, героини автобиографического романа Ольги Ильиной (1894—1991), которая была правнучкой Е. А. Баратынского и не чуждалась изящной словесности: «Слушайте, кто такие святые? Кого мы называем мудрецами и пророками? Разве не тех, чье сознание проникло глубже, чем сознание обыкновенных людей? Та цементно-бетонная преграда, которая отделяет развитой, уже разработанный верхний слой человеческого разума от его не тронутой еще целины, очевидно, рушится под напором их тоски по высшей правде, размягчается и утончается от жара их сердец, и открывается новая реальность. Они называют ее Царством Небесным. Опыт тех, кто туда заглянул при жизни хотя бы на короткий миг, показывает, что весь облик жизни для них навсегда меняется. Таких людей ранит жалость по отношению к даже самым счастливым из нас. Одновременно их проникновение в души других людей становится необычайным. Чужая беда и боль становится их болью. Чувство красоты проявляется в них так интенсивно, что ранит их. Но разве они когда-нибудь променяют эту трагическую уязвимость на что-нибудь другое? Никогда! Потому что под всей этой болью трепещут крылья истинной свободы. Свободы от зла и уничтоженья. То чувство, которое в нас возбуждают такие люди, не похоже ни на что, что принадлежит исключительно материальному миру».²⁵

Любопытно, что сходные творческие устремления по отношению к древним повествованиям о святых отражены и в современной Кузмину западноевропейской литературе. Вот как передает размышления своего героя Дюртала, мечтающего о создании на древнем материале собственного жизнеописания блаженной Лидвины, Ж.-К. Гюисманс в романе «Из бездны к небу»: «Агиография была утраченной ныне отраслью искусства; с ней случилось то же, что со скульптурой из дерева и миниатюрами старых требников. Ей занимались только церковные старосты да попы, комиссионеры стиля, которые, когда пишут, всегда, словно на грузовых автомобилях, подвозят идеи к зародышу своего труда; в их руках она стала обыденным предметом торговли священными вещами <...>. Дорога была, значит, свободна, и сначала ему (Дюрталю. — *А. Т.*) как будто нравилось ее выравнивать; но чтобы извлечь очарование легенд, нужен был наивный язык ушедших веков, простосердечная речь мертвых лет. Как ухитриться теперь передать скорбную сущность и аромат невинности Золотой Легенды Форагина? Как связать в чистый сноп те жалобные цветы, которые монахи выращивали за монастырскими стенами, когда агиография была сестрою варварского и очаровательного искусства рисовальщиков заставок и живописцев по стеклу, пылкой и целомудренной живописью Примитивов? Нечего было и думать, однако, отдаться старательному подражанию, холодно обезьянничать подобное творчество. Оставался еще нерешенным вопрос, можно ли создать смиренный и величавый образ Святой, пользуясь средст-

---

²⁵ *Ильина О.* Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003. С. 161—162. Впервые роман вышел по-английски в США в 1951 г.; авторизованный русский текст был впервые напечатан уже в России. Действие романа начинается в годы, предшествующие началу Первой мировой войны, и заканчивается в 1918 г. — время гражданской войны с большевиками.

вами современного искусства <...>».²⁶ Кроме того, по убеждению Дюртала, попытка создать жизнеописание святой обречена на провал при отсутствии или даже нехватке живой веры: «Потом... потом... нужно ведь еще верить поистине живой верой и быть убежденным в святости своей героини, если хотят попытаться ее вырыть из могилы и заставить снова жить в произведении искусства».²⁷

Намерения и устремления Кузмина-художника сходны с попыткой ретроспективного воскрешения погибшего жанра Дюрталем лишь отчасти. Кузмин создает современные пьесы, в которых синтезировано собственно драматическое действие и лирическое начало. В комедиях он уже отходит от ретроспективизма²⁸ и стилизации, понимаемой им как «перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в *точную литературную форму данного времени*» («О прекрасной ясности: Заметки о прозе»; 1909; публ. 1910).²⁹ Но в то же время в этих произведениях условной драматургии отражены и некоторые объективные особенности христианского сознания, которое руководимо живой, пусть временами и отступающей в тень верой. При этом необходимо сделать оговорку, что автор, являющийся его носителем, переживал в 1907 г. период увлечения театром, дружескими кружками, галантной словесностью и т. п. Все эти идейные и жизненные парадоксы нашли отражение в драматическом тексте и не ускользнули от внимания критиков.

Остается пояснить, какими именно редакциями текстов житий трех святых Кузмин мог пользоваться и существует ли конкретный источник, т. е. определенная редакция житийного текста, у его комедий.

В отечественной традиции жития христианских святых известны в трех вариантах — Великие Четьи Минеи (митрополита Макария), Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского и Пролог (Анфологион).

В то время, когда Кузмин работал над своими комедиями о святых, память которых — 1, 17 марта (Евдокия, Алексей) и 13 февраля (Мартиниан), в России были полностью изданы лишь Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского. В печатном издании с житиями в редакции Великих Четых Минеи митрополита Макария можно было ознакомиться лишь частично; во всяком случае, тексты житий, относящихся к февралю и марту, так и остались неизданными до сих пор: в свое время их выпуску помешала Первая мировая война. Следовательно, в период сочинения комедий о трех святых Кузмин — помимо Четых Минеи св. Димитрия Ростовского — мог без особых затруднений воспользоваться только текстами житий в редакции Пролога, что упростило наш поиск.

Для определения источника комедий было достаточно отыскать такие фрагменты житийного текста, которые, будучи процитированными в тек-

²⁶ Гюисманс Ж.-К. Собр. соч. Т. 2. Из бездны к небу: Роман / Перевод с 33-го изд., вышедшего в свет с предисл. автора, Т. Х-о. М.: Совр. проблемы, 1912. С. 46—47.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ От отношении Кузмина к современности и ретроспективизму в искусстве, которое окончательно сформировалось позднее и было неоднократно сформулировано в статьях 1918—1926 гг., см.: Тимофеев А. Г. «Память» и «археология»-«реставрация» в поэзии и «пристрастной критике» М. А. Кузмина // Блоковский сб. [Вып.] 10. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Тарту, 1990 (обл. 1991). С. 101—115 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 881).

²⁹ Аполлон. 1910. № 4. Янв. С. 9 (1-я пар.).

сте комедий, отсутствовали бы в других редакциях соответствующего жития или встречались бы в них в видоизмененной — относительно житийного текста-источника — форме. В случае отыскания таких фрагментов остальные цитаты, которые могли бы отсылать нас к различным редакциям житийного текста как возможным источникам текста комедий, так как эти редакции во многом совпадают друг с другом, — лишь укрепляли бы нас в окончательном определении.

Корректное и доказательное уточнение источника стало возможным на материале текста «Комедии о Алексее человеке Божьем».

Резоны для этого были следующие.

В приложении к исследованию В. П. Адриановой «Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности» (Пг., 1917) приведены все без исключения редакции жития св. Алексея. Это обстоятельство позволило нам провести контрольный анализ текста этого жития и в редакции митрополита Макария без обращения к его рукописным спискам.

Много лет спустя при анализе содержания рабочей тетради 1900-х гг., не имеющей авторского оглавления, нам встретились подготовительные выписки Кузмина, сделанные при работе над комедиями. Хотя конспектирующий почерк Кузмина был не всегда разборчив, оказалось возможным расшифровать эти записи почти в полном объеме. Благодаря их изучению мы получили документальное подтверждение того, что внимание автора при работе с текстом-источником было направлено в том числе и на такие детали житийного текста, которые могли быть извлечены только из житий в редакции св. Димитрия Ростовского.

Ниже мы приводим подготовительные выписки Кузмина, относящиеся к «Комедии о Алексее человеке Божьем», вместе с кратким планом пьесы³⁰ и свод цитирований из жития Алексея человека Божия в редакции Четых Миней св. Димитрия Ростовского, выделенный нами в тексте комедии. Фрагменты других редакций жития, сопоставляемые с текстом «Комедии о Алексее», следуют после цитат из жития в редакции св. Димитрия Ростовского. Для удобства читателей мы приводим достаточно крупные фрагменты сопоставляемых текстов, подчас — как бы некие минимальные единицы драматического действия; совпадения с житийным текстом выделяются в наших выписках из комедии курсивом. Все ссылки на издания и названия сопоставляемых текстов даются сокращенно, с указанием страницы (арабскими цифрами): 1) К. — *Кузмин М.* Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане. СПб.: Изд-во «Оры», 1908 (обл. 1909); 2) Адр. — *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917; 3) ЧМДР. Февр. — [Св. Димитрий Ростовский]. Четьи Миней. Февр. [8-е изд.]. М.: Синодальная тип., 1897; 4) ЧМДР. Март. — [Св. Димитрий Ростовский]. Четьи Миней. Март. [8-е изд.]. М.: Синодальная тип., 1898; 5) ВЧМ — Великие Четьи Миней.

Однако прежде чем перейти к справочной части нашего исследования, мы хотели бы обсудить еще несколько актуальных теоретических и практических вопросов.

³⁰ Подготовительные выписки и планы «Комедии о Евдокии из Гелиополя» и «Комедии о Мартиниане» опубликованы в Приложении.

Переиздавая «Комедию о Алексее человеке Божьем» в составе двухтомного собрания драматических сочинений Кузмина, мы сделали ссылку на существование в нашей университетской дипломной работе текстологического доказательства работы драматурга с житийным текстом в редакции св. Димитрия Ростовского.³¹ Рецензент издания П. В. Дмитриев откомментировал эту ссылку таким образом, что у неосведомленного читателя его отклика могло сложиться впечатление, что мы сослались на проведенное нами доказательство едва ли не аксиомы: «Оставляя в стороне вопрос о том, насколько корректна ссылка в научном труде на свою студенческую неопубликованную работу, заметим, что „Комедия о Алексее“ писалась в 1907 году, тогда как книга В. П. Адриановой вышла спустя десять лет. Не имея никакого специального интереса к архивной работе, Кузмин попросту и не мог пользоваться другим источником, кроме как „Четьями Минееми“ (так!) св. Димитрия Ростовского».³² Наивность данного заявления рецензента может быть сопоставлена разве что с его неосведомленностью. Что же касается Кузмина, то он вполне мог воспользоваться и старопечатным изданием Пролога, и латинским сборником житий святых, и перенести в собственный текст детали, заимствованные из духовного стиха. Для этого было достаточно посещения Императорской Публичной библиотеки (что в жизни Кузмина случалось),³³ которое вовсе не лишило бы В. П. Адрианову возможности вести ту скрупулезную «архивную работу», что имела результатом подробное обозрение истории происхождения и бытования различных редакций жития Алексея человека Божия в славяно-русской письменности.³⁴

Вопрос о возникновении двух вариантов подзаголовка «Комедии о Алексее человеке Божьем», при всей его видимой простоте, также до сих пор не может быть прояснен однозначно, как это представляется П. В. Дмитриеву. Напомним вкратце историю этой проблемы.

Впервые обсуждаемая комедия Кузмина была напечатана в журнале «Перевал» в 1907 г. с подзаголовком «...или Потерянный и обретенный сын».³⁵ В отдельном издании он имел иной вид: «...или Потерянный и обращенный сын»,³⁶ — что могло указывать на религиозный смысл комедии,

³¹ См.: Тимофеев А. Г. Примечания // Кузмин М. Театр: В четырех томах (в двух кн.) / Сост., [подгот. текста, статья и примеч.] А. [Г.] Тимофеева; Под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. [Кн. 2.] [Oakland, Calif.]: Berkeley Slavic Specialties, 1994 [1995]. С. 310.

³² Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 388.

³³ См., например, 1) письмо Кузмина Г. В. Чичерину от 11 февр. 1897 г., в котором сообщается о чтении гностического трактата «Pistis Sophia» (Berolini, 1851; 2-е изд. 1853), который «выдали с нек<оторыми> затруднениями через 1,5 недели после 3 требований и усиленных указ<аний>, что она читалась прошлый год <...>» (РНБ, ф. 1030, № 53, л. 23; фрагмент процитирован нами в издании, которое рецензировал П. В. Дмитриев: Тимофеев А. Г. Примечания. С. 383), 2) письмо Кузмина Г. В. Чичерину от 28 авг. 1898 г., где рассказывается о штудировании «в библиотеке» сочинений Катерины Сиенской по французскому переводу середины XVII столетия (РНБ, ф. 1030, № 20, л. 60; фрагмент приведен нами в кн.: Кузмин М. Арена: Избр. стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Тимофеева. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 407).

³⁴ Подробнее см.: Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К^о, 1917. С. 69—126.

³⁵ Перевал. 1907. № 11. Сент. С. 7.

³⁶ Кузмин М. Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартинаине. СПб.: Изд-во «Оры», 1908 (обл. 1909). С. 47.

который является противовесом кощунственному началу, также реализованному в этом произведении. Переиздавая текст, мы воспроизвели подзаголовок отдельного издания, отметив наши колебания в этом вопросе и возможность «подозревать опечатку» при публикации в составе книги,³⁷ поскольку недоступная нам в то время наборная рукопись из собрания М. С. Лесмана имела подзаголовок, идентичный набранному в журнале «Перевал».³⁸ В ситуации, когда принятие окончательного и однозначного решения было преждевременным, мы опирались на суждение знакомого с Кузминым композитора Н. М. Стрельникова, который выступил в печати с полемической оценкой постановки «Комедии о Алексее» 4 ноября 1920 г. Передвижным театром. В рецензии Стрельникова, которая могла быть написана «с учетом мнения драматурга»,³⁹ в частности, говорилось «о перспективе литературного замысла М. Кузмина, по которому беспокойная душа Алексея смирена лишь длительнейшим искусом только в конце своего умирительного жизненного пути, увенчанного возвышеннейшим и невероятнейшим из душевных подвигов — подвигом умиротворенного самоотречения».⁴⁰ В рецензии на подготовленное нами издание П. В. Дмитриев подверг принятое с известными оговорками решение критике, даже не вспомнив об оговоренных нами при выборе варианта сомнениях. Ранее, в рецензии на книгу другого автора, он уже заявлял, что подзаголовок «Потерянный и обращенный сын» «выглядит» «несколько нелепо» и что «ошибка возникла вследствие близости „Комедии о Алексее“ с предшествующей „Комедией о Евдокии“, второе название которой „Обращенная куртизанка“».⁴¹ Теперь он распространил свою аргументацию: «В тексте самой пьесы достаточно ясно сказано: „Благородная Аглаида, слушай! твой сын Алексей обретен мертвым“ <...>. Второй заголовок пьесы и держится на противопоставлении „потерян“ — „обретен“ (т. е. буквально «найден»)».⁴²

Между тем в том же самом номере журнала, где был помещен отклик П. В. Дмитриева, Н. А. Богомолов в альтернативной рецензии сообщил о том, что в архиве Главного управления по делам печати сохранилось цензурное дело «О запрещении пьесы „Потерянный и обращенный сын“» (ноябрь 1916), оставшееся автору «недоступным».⁴³

Поэтому стоит задуматься, так ли проста «ошибка» во «втором заголовке» «Комедии о Алексее», как это видится П. В. Дмитриеву.

Наборная рукопись «Комедии о Алексее», принадлежавшая в прошлом М. С. Лесману и прежде нам недоступная, а ныне находящаяся в собрании Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, была представлена нами и А. Г. Рабинянц на выставке «Петербургский Кузмин. (К 130-летию со дня

³⁷ Тимофеев А. Г. Примечания. С. 314.

³⁸ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотир. каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 302.

³⁹ Тимофеев А. Г. Примечания. С. 314.

⁴⁰ Стрельников Н. «Комедия об Алексее человеке Божьем». (Мастерская Передвижного театра) // Жизнь искусства. 1920. 11 нояб. № 606. С. 1.

⁴¹ Дмитриев П. В. Новое исследование о М. Кузмине // Новое лит. обозрение. 1995. № 11. С. 324.

⁴² Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 387.

⁴³ Там же. С. 374.

рождения поэта)» (Всероссийский музей А. С. Пушкина, 25 декабря 2002—30 января 2003). Мы смогли внимательно с ней ознакомиться и проанализировать. Выяснилось, что текст пьесы переписан Кузминым в 1908 г. и относится к периоду издания «Комедии о Алексее» в составе книги. Подзаголовок имеет прежний вид «...или Потерянный и обретенный сын»,⁴⁴ и это, на первый взгляд, утверждает нас в формальной правильности суждений П. В. Дмитриева. Однако изучение этой белой рукописи, содержащей незначительный слой пробных и, как правило, сразу же и отвергнутых (зачеркнутых) автором поправок, и сравнение с опубликованными вариантами текста приводят нас к заключению о преждевременности вывода П. В. Дмитриева по поводу банальной опечатки в подзаголовке.

В наборной рукописи отчетливо различимы два слоя правки. Помимо кузминской, характер которой мы пояснили, есть и правка карандашом, скорее всего, имеющая непосредственное отношение к процедуре набора вызывающих сомнения мест текста. Этот слой правки, как правило, соответствует тексту, напечатанному ранее в журнале. При наборе не принято во внимание даже то единственное дополнительное четверостишие, которое Кузмин ввел в стихотворную реплику Рассказчика в начале Картины второй Части второй «Комедии о Алексее» и не отверг при критическом пересмотре текста. Между строками «...Под дерево гость» и «Скрывать напрасно <...>» следовало бы ввести в окончательный текст строфу: «Желудь не всякий / Вырастит дуб, / Не все забияки — / Кто дерзок и груб».⁴⁵

Однако это не было сделано.

Что касается возможной сверки рукописи при ее наборе с текстом первой журнальной публикации, то в пользу такого заключения говорят следующие детали. В реплике Матридии «Я люблю его, матушка, и так благодарна тебе за то, что ты выбрала меня ему в жены; благослови меня еще раз с любовью» (Ч. 1) пропущенные слова «ты» и «с» вписаны карандашом в соответствии с журнальным текстом.⁴⁶ В реплике Алексея «Я не буду Вам мешать сосредоточить набожные мысли; через час я вернусь к Вашим услугам» (Ч. 1) не учтено авторское зачеркивание слова «Вам»; это соответствует журнальному тексту.⁴⁷ В стихотворной реплике Матридии «Ах, красота моя вянет...» (Ч. 1) повторяющаяся два раза строка «...Кто хочет — не смеет» имеет вид, соответствующий журнальной публикации; не принята во внимание и исправлена по журнальному тексту авторская правка «...Кто хотят — не смеют».⁴⁸

Следует подчеркнуть, что в местах, которые не вызвали сомнений при наборе, исправлений по журнальному тексту не наблюдается. Так, в рукописи и в журнальной публикации — различный порядок следования пер-

⁴⁴ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (в дальнейшем — МАА), ф. 2, оп. 1, № 44, л. 1.

⁴⁵ Там же, л. 19.

⁴⁶ См.: Перевал. 1907. № 11. С. 8; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 5; Кузмин М. Комедии... С. 53.

⁴⁷ См.: Перевал. 1907. № 11. С. 9; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 8; Кузмин М. Комедии... С. 57—58.

⁴⁸ См.: Перевал. 1907. № 11. С. 9; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 9—10; Кузмин М. Комедии... С. 59.

сонажей-блудниц, произносящих реплики (Картина 1. Ч. 2).⁴⁹ В данном случае карандашная правка отсутствует: исправления по журнальному тексту не производились. Не восстановлено и посвящение («П. П. Потемкину посвящено»), отсутствующее в рукописи, но проставленное в журнальной публикации.⁵⁰

Кроме того, при публикации в книге была сохранена журнальная датировка «Апрель—июнь, 1907», проставленная Кузминым в наборной рукописи в конце текста, наряду с новой датой, обозначенной на титульном листе рукописи: «1908. Апрель—июль» (зачеркнута карандашом и не набрана).⁵¹

Описанные наблюдения таковы, что напрашивается заключение о стремлении при выпуске томика «Комедий» к тщательному воспроизведению авторского текста с уточнениями, где возможно, по предварительной публикации в журнале. Вместе с тем представления метранпажа и наборщиков о принципах следования авторской воле можно охарактеризовать как непоследовательные, а потому ведущие к пропускам (не исключено, что по-своему сознательным) авторских дополнений и правок. В такой ситуации опечатки крайне маловероятны.

Поэтому, признавая формальную правоту основанного на внешних текстовых данных вывода П. В. Дмитриева, мы полагаем, что замена подзаголовка все-таки могла иметь место, как, например (скорее всего, по воле автора), было снято устаревшее посвящение П. П. Потемкину. Исправление подзаголовка могло произойти по соображениям смысловым и/или автоцензурным, в целях предотвращения возможного судебного преследования в связи с кошунством. В 1908 г. Кузмин вполне мог опасаться такого развития событий, поскольку на рубеже апреля и мая с немалым для него ущербом закончилось судебное разбирательство в связи с публикацией пьесы «Опасная предосторожность». «Меня присудили к 200 р. или месяцу сиденья», — записал он в Дневнике 29 апреля—1 мая 1908 г.,⁵² а газетная хроника известила читающую публику о том, что «Окружной суд по III уг<оловному> отд<елению>, рассмотрев без участия присяжных заседателей дело писателя Кузьмина (*так!*), привлекаящегося по 1001 ст<атье> ул<ожения> о нак<азаниях>, приговорил его к денежному штрафу в 200 р<ублей>, с заменой в случае несостоятельности арестом на 1 месяц. Инкриминировалась порнографического содержания театральная пьеса „Опасная предосторожность“».⁵³

Как бы то ни было, в 1916 г. для получения разрешения на постановку текст пьесы был представлен в драматическую цензуру с исправленным

⁴⁹ Ср.: Перевал. 1907. № 11. С. 11; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 15—16; Кузмин М. Комедии... С. 66—67.

⁵⁰ Перевал. 1907. № 11. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 16; МАА, ф. 2, оп. 1, № 44, л. 33, 1; Кузмин М. Комедии... С. 89.

⁵² Кузмин М. Дневник 1908—1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, [2005]. С. 34. Благодарю Н. А. Богомолова за указание на эту запись до выхода из печати соответствующего тома Дневника М. Кузьмина.

⁵³ Новое время. 1908. 2 мая. № 11543. С. 5. Подробнее см.: Тимофеев А. Г. М. Кузмин и царская цензура: эпизод первый (по материалам Российского государственного исторического архива) // Русская литература. 2005. № 4. С. 130—140.

подзаголовком. Об этом свидетельствует документ этого ведомства, о котором уже шла речь выше.

«ПОТЕРЯННЫЙ И ОБРАЩЕННЫЙ СЫН»

Комедия в 3-х частях М. А. Кузмина

Сюжетом для своей комедии автор взял житие одного из наиболее чтимых христианских святых, Алексея — Божьего человека, сохранив даже в точности имя отца Святого Алексея (Евфимиан), считаю поэтому пьесу неудобной к постановке.

За Цензора драматических сочинений

Ребров.

«2» декабря 1916 г.

Совершенно согласен с мнением г. Цензирующего. Чл<ен> Сов<ета> М. Толстой.

Согласен. 2/XI<XII>. <Подпись нрзб.>⁵⁴

Именно в силу этого запрета первая постановка «Комедии о Алексее» на сцене Театра имени В. Ф. Коммиссаржевской в Москве осуществилась только 18 марта 1917 г., уже после Февральской революции. Журнальный рецензент оповестил публику о том, что «эту комедию г. Кузмина театр имени В. Ф. Коммиссаржевской хотел поставить раньше, в „дореформенное“ время, но встретился с запрещением».⁵⁵

«КОМЕДИЯ О АЛЕКСЕЕ ЧЕЛОВЕКЕ БОЖЬЕМ»

1. Выписки

Рим. Евфимиан

цари. Аркадий и Онорий.

(богат 3000 слуг од<етых> в шелк с золот<ыми> поясами<)>

неплодная

постился до 9 час<a>

3 трапезы: сирот<ам>, вдовам и нищи<м>

а сам обед<ал> в 9 ч<асов> с бродяч<ими> мона<хами>

жалел когда мало было нищих

ж<ена> Аглаида

---

⁵⁴ РГИА, ф. 776, оп. 26, № 84, л. 177. Машиннопись; подпись С. К. Реброва, визы М. А. Толстого и неустановленного лица — автографы.

⁵⁵ Кулисы. 1917. № 13. С. 2. Впервые приведено: Тимофеев А. Г. Примечания. С. 311. Итак, можно считать безупречно точным утверждение художника А. Я. Головина: «Кузмин не раз подвергался нападкам как со стороны царской цензуры, так и со стороны критики „за порнографию“» (*Головин А. Я. Встречи и впечатления: Воспоминания художника / Ред. и коммент. Э. Ф. Голлербаха. Л.; М.: Искусство, 1940. С. 102; Александр Яковлевич Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине / [Сост. и коммент. А. Г. Мовшенсона; Вступ. статья Ф. Я. Сыркиной]. Л.; М.: Искусство, 1960. С. 105).*

Алексей учиться 6 л<ет>
грамматике, риторике, церк<овные> книги
аскет, власяница
обручили из царс<кого> рода; обвенч<али> в
церкви св. Бонифация
сидела на кресле златем
перстень, пояс, обвил порф<ирной> завесой
ушел в соседнюю комнату
— взял запас, поплыл в Лаодикию
путники идущие в Месопотамию
Едес гр<ад?> все продал раздал нищим
паперти церкви Св. Богоматери кажд<ую>
нед<елю> причащался все разд<ал> более стар<ым>
Невеста и мать в затворе.
Прож<ил> 17 л<ет> откр<овение> пономарю (видение
Б<ожьей> М<атери> введи Алек<сея>). Бежал. Корабль
пл<ывущий> в Киликию. (пребуду в храме ап<остола>
Павла<)>
Буря. в Риме.
Отец шел из сената со свит<ой>
если кого имеешь в странствии
вернет тебе. Вечером его зауш<али>
окно против конуры
папе Иннокентию. царю Онорию
в соб<орной> церкви Св<ятых> Ап<остолов>: «Приидите все
труждаю<щиеся> и обрем<енные> Г<оспо>ди пом<илуй>
поищите чел<овека> Божия от тела хот<ящего>
изой<ти> да помолит<ся> о граде> с четверга на пят<ницу>
в дому Евфим<иана> челов<ека> Б<оожия> ищите
34 года прожили. 17. Марта 411 г.
Визант<ия> Феодосию Юнейш<ему>⁵⁶

2. План

1. спальня. одна с Мат<ерью> и служ<анкой> Алекс<ей>
с нею объясн<ается> Мать...
  2. Эдес. Алексей поет... пономарь
Лаодикия
  3. Улица
  4. Дом Евфим<иана>
  5. Конец.
1. разговор о стр<аданиях> Алексея.
мать о рождении
одна.
Алексей.
одна. песенка.

⁵⁶ ИРЛИ, ф. 172, № 321, л. 93 об.—94 об.

Мать... беспокойство

2. Рассказ.

Алексей идет. стихи.

Пономарь. ... пригот. свечи <?> убега<ет>

3. Рассказ.

Алекс<ей> спр<ашивает>. Проход<ят?> упоминает.

4. Невеста плачет<,> стихи.

Алексей пишет<,> разговор.

Надругания.

5. Рассказ о чудесах

Мать. служанка

Рассказывают — . —

Входит отец.⁵⁷

3. Цитирования

I

К. С. 51.

«Мастридия. <...> Я не видала Алексея до венца, до этой блаженной церкви св. Бонифация. <...>».

ЧМДР. Март. С. 305—306 (Адр. С. 504).

«Обручиша убо Алексею возлюбленному сыну своему отроковицу от рода царска, и венчаша тех в церкви святого Вонифатиа честными святыми, и весь день той даже до ночи в веселии и ликованиях проводиша».

ВЧМ (цит. по: Адр. С. 490); Анфологион (цит. по: Адр. С. 494).

В этих редакциях также встречается упоминание «церкви святого Вонифатия».

II

К. С. 54—55.

«1-я <служанка>. Что тебе (Мастридии. — А. Т.) беспокоиться о будущем? Дом твоего свекра немногим уступит в богатстве и изобилии отцовскому».

3-я. Одних слуг у благородного Евфимиана до трех тысяч, и все в шелковых одеждах с золотыми поясами.

1-я. И по благочестью это один из первых домов Рима: не ежедневно ли ставятся три трапезы для нищих, вдов и сирот?

3-я. Не вкушает ли из смирения сам господин Евфимиан пицы со странствующими иноками?

1-я. Не постится ли до девятого часа?

3-я. А милостыня? молитвы?»

ЧМДР. Март. С. 304 (Адр. С. 503).

Евфимиан охарактеризован как «муж благочестив», «велик в болярех и богат зело».

⁵⁷ Там же, л. 94 об.—95.

«...Ему же (Евфимиану. — *А. Т.*) бяху три тысящи слуг, златыя поясы и светлыя шелковыя одежды носящих».

Там же. С. 304—305 (Адр. С. 503).

«Добр же бе той муж, заповеди Божия опасно соблюдаяй, постыяше по вся дни до девятого часа, и три трапезы в дому своем сиротам, и вдовицам, нишым, странным же и больным поставляше, а сам в девятый час со странными иноками обедоваше. И егда в который день случашеся мало убогих на представляемых им трапезах имети, и мнее от обычных щедрот своих из'явити им милостыни, тогда падши на землю пред' Богом глаголаше: несмы достоин ходити по земли Бога моего».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 484.

Евфимиан охарактеризован как «муж благочестив», «велик быв в болярех и богат зело».

«Бяху же ему (Евфимиану. — *А. Т.*) три тысуща (*так!*) отрок с златыми поясы и светлы ризы носяще».

«С благочестием живый заповеди Божия сътворяя алкааше же толикии муж по вся дни до девятого часа и три трапезы поставляше в дому своем сиротам и вдовицам и странным и мимоходящим и болящим. Сам же в девятии час бе вкушаа с странными и черныцы и нищими и ядыаше хлеб свои и егда идяше в полату цареву милостыню свою дааше пред собою глаголя, яко несмы достоин ходити по земли Божию».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 493.

«Изряднее же в милостыни бяше подражатель (Евфимиан. — *А. Т.*), да я на всякий день независтно требующым богатство свое. Питаше алчущыя, одеваше нагия, принимаше странныя и покояше их, и благодействоваше богато дарно, и просто рещи: благословенный его дом бяше едино пристанище убогих и прибежище. Имяше же и слуги многия златопоясанныя, и одеяны ризами светлыми, и многоценными. Той же приснопамятный ядыаше по девятом часе единою в день всегда».

III

К. С. 55—56.

«3-я <служанка>. Говорят, он (Алексей. — *А. Т.*) *носит власяницу*.

Мастридия. Как я буду с ним жить?

1-я <служанка>. *С детского возраста он уже учится грамматике, риторике, церковному пению и уставу.*

2-я <служанка>. Нежный, нежный цветок сорвешь ты, счастливая Мастридия».

ЧМДР. Март. С. 305 (Адр. С. 503—504).

«Егда же бе отрок шестолетен, вдаша его в научение книжное, и вскоре навык грамматике и риторике, и церковныя книги, и Божественное Писание все добре уведав, бысть премудр юноша, и рассмотрев суету мира, положи во уме своем отрицатися настоящих житейских благ маловременных, да наследствует вечная: и нача умерщвляти плоть свою, острую на теле своем отай носящи власяницу».

ВЧМ. Цит. по.: Адр. С. 484.

Мотив ношения власяницы в данной редакции отсутствует.

«И егда бысть шти лет отрочя даша его в первое учение книгам, и научився книги и церковному устрою, яко же и риториа мало изучься, премудр бысть».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 493; 493—494.

«И понеже бяше остр умом и благоестествен, навыче в мало время всей церковней повести, грамматице, и прочым елика бяху прилична, прочее бысть мудрейший».

«Сим поучаяйся на всякий день от Бога просвещаем, и премудрый, на-ложи расу (*так!*) власяную втай родителей, и ношаше на плоти назе».

IV

К. С. 58.

«Мастридия. Каково оскорбление! И этот святоша будет моим мужем? Как нагло я обманута! Но я сделаю по-своему и заставлю его глаза, привыкшие отражать только миганье лампад, загореться любовью! Подожду, что же сделать? <...> Надену свои украшения, *сяду на это золотое кресло*, не бездушный же он окончательно, чтобы пренебречь мною, царского рода, известной далеко красотою!»

ЧМДР. Март. С. 306 (Адр. С. 504).

«Он же (Алексей. — А. Т.) в чертог вшед, обрете ю (Мастридию. — А. Т.) сидящу на кресле златем».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 485.

«И влез в чертог свои обрете ю (Мастридию. — А. Т.) сидящу на престоле злате».

В редакции Анфологиона данный мотив отсутствует.

V

К. С. 60.

«Алексей. <...> Прощай, отцовский дом, домашние иконы, ты, бедная Мастридия, вдова в невестах, в женах — дева, прощай! *Положу тебе перстень, пояс, завернув их в пурпурный плат*: когда жаворонок разбудит тебя, далек уж будет Алексей. Вот, я целую тебя в первый и, даст Бог, последний раз».

ЧМДР. Март. С. 306 (Адр. С. 504).

«И взял перстень свой золотый и пояс дражайший, и обвив порфирною завесою, вваде ей глаголющи: сохрани сие, и Бог да будет между мною и тобою, дондеже благодать его в нас нечто новое устроит».

Там же. С. 310 (Адр. С. 507).

Алексей человек Божий, вернувшись в Рим, составляет предсмертное письмо. «...и испросив Алексий святой у служащего ему раба хартию, и чернило, и трость, написа все житие свое <...> и еже глагола к невесте своей в чертозе, како вваде ей перстень и пояс в порфирной завесе <...>».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 485.

«И взял перстень свои золатыи и лез обить в коприну и дать обрученици своей. Сей съхрани, и буди Бог межи мною и тобою, дондеже благоволит Бог делеса таинаа наю».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 494.

«И тогда обвив перстень, и пояс свой (яже бяху многоценныя вещи), даде я отроковице, и глаголет ей: сохрани я опасно, любезнейшая моя, и Бог да будет между нами, дондеже устроит благодать его в нас, нечто ино новее».

VI

К. С. 69—70.

«Пономарь. Прекрати пререканья. Ты услышишь, что все известно: и твоя добродетель, и твое смирение. Сегодня в ночь явилась мне Царица Небесная и сказала: „*В дому Моем* должен жить святой человек, а не с кающимися в притворе стоять“. — „Кто же это?“ — осмелился я, а Она ко мне: „Алексей, друг блудниц“. И вот, я умоляю тебя, брат, дай объявить тебя господину епископу и *ввести в храм*. Нарочно в сумраке, чтобы не смущать твое смирение, говорю я тебе об этом.

Алексей. Голосу Неба не могу я противиться: иди, зажги свечи, приготовь встречу слуге Царицы Небесной.

Пономарь. Мы ждем тебя тотчас. (Уходит.)

Алексей. Напрасно разве я покинул отцовский дом и любовь, чтобы здесь иметь почет? *Бегу, бегу*. Господь простит мне: виденья бывают и от лукавого. *Я не хочу этого!* (Уходит.)»

К. С. 72.

«Алексей. Я в Риме?!. О судьба, кто будет с тобою спорить? Как я помню все, хотя уже изменившееся за эти *семнадцать лет!* <...>».

ЧМДР. Март. С. 307—308 (Адр. С. 505).

«...а святой Алексей во Едесе при церкви пресвятыя Богородицы преживе седмьнадесять лет, и бысть возлюблен Богу. Таже бысть о нем пономарю откровение, виде бо пономарь в видении икону Пречистыя Богородицы к нему глаголющу: введи в церковь мою человека Божия достойна суда небеснаго царствия: ибо молитва его яко кадило добровонно восходит пред' лице Божие, и якоже венец на главе царстей, сице на нем Дух Святой почивает. Пономарь же по видении том поискав такового человека, и не обрет, ко иконе Богородичной обратися, молящи Владычицу, да покажет ему известно человека Божия. И слыша паки в видении глагол от Пресвятыя Богородицы, яко седяи ниц у дверей церковныя паперти, той есть человек Божий. Обрет убо его пономарь, в церковь введе, да в ней пребывает. И уведано бысть святое его житие многими, и начаша его почитати».

Там же. С. 308 (Адр. С. 506).

«Святой же Алексей, бегая человеческия славы и почитания, отиде от Едесскаго града никомуже ведущу».

Там же. С. 308 (Адр. С. 506).

Корабль, на который попадает Алексей человек Божий, плывет в Киликию. «И шедши в пристанище морское, обрете корабль в Киликию плывущу. Седе убо в него, глаголя в себе: в Киликийский град пойду, идеже никтоже мя знает, и тамо в храме святаго апостола Павла пребуду. Плывущу

убо кораблю, внезапно смотрением Божиим бысть буря в мори, и носимь быв волнами корабль многия дни, приплыве и не хотящъ в Рим».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 486.

«И се образ святыха Богородица явися в сне к понамарю глаголя: Введи человека Божиа в церковь мою, яко достоин есть царству небесному, и яко миро добровонно молитва его, яко венец на главе царю, тако почивает Дух Святыи на нем, и яко солнце сияет всеи земли, тако просиа житие его пред аггелы Божиин. И излажааше пономарь, ища таковаго святаго и не обретааше и влажааше паки моляся и глаголя Богородицы, да явить ему человека Божиа. И открыся ему, яко убогии седяи у двери то есть человек Божиин. Изыде же паки в паперть и обрете и имь за руку его введе и в церковь. Егда же убо виде человек Божиин, яко познан бысть человеки, отбеже о<t> Едескаго града и шед в Лаодикию и сед в корабль хотя преити в Тарс Киликийский глаголя, яко иду в храм святаго апостола Павла, понеже незнаем есмь ту сущими. И влез в корабль. Волею Божиею нужным ветром прегнан бысть корабль преплувъ прииде в Рим».

Упоминание о времени, прошедшем с момента оставления Рима Алексеем человеком Божиим до его возвращения туда, в редакции ВЧМ отсутствует.

В редакции Анфологиона (см.: Адр. С. 496) отсутствуют и фигура пономаря, и глас Богородицы, однако есть упоминание о времени отсутствия Алексея человека Божьего в Риме (семнадцать лет).

VII

К. С. 72—75. У Кузмина Алексей человек Божий, вернувшийся в Рим, беседует с Лавочником, который советует страннику обратиться за вспомоществованием к Евфимиану. Затем появляется Евфимиан.

Ср. Фигура Лавочника отсутствует во всех редакциях жития. Обычно Алексей человек Божий встречается, попадая в Рим, непосредственно со своим отцом.

К. С. 75—76.

«Входят Евфимиан, два друга, *несколько слуг*.

Евфимиан. <...> Что это за человек? чего ты хочешь в таком униженном положении? ты рыдаешь? ты потерпел кораблекрушение? но где же дочечка с изображением несчастья?

Алексей. Господин, *будьте милосердны, дайте не имущему крова, накормите голодного, утешьте преследуемого судьбою! Если кто-нибудь дорогой Вам находится в пути, в странствиях, — вспомните о нем, и Вы сжалитесь над несчастным путником!*

Евфимиан. Кто тебя научил этим словам? или ты — провидец?

Алексей. Никто. Никто.

Евфимиан. *Иди за мной; ты найдешь приют у меня; молись о рабе Господнем Алексее.*

Алексей. Алексей, раб Господень, счастлив, блажен.

Евфимиан. Ты говоришь — он умер, ты с ним встречался?

Алексей. Нет, я не знаю, я не знаю... (Проходит.)»

ЧМДР. Март. С. 308—309 (Адр. С. 506).

«И приближаясь к дому своему, сретe отца во время обеднее, от царския палаты в дом возвращающагося со множеством слуг пред'идущих и возследствующих. Поклонився убо ему до земли, воззва глаголя: рабе Господень, помилуй мя нища и бедна, и повели мне, да в едином угле двора твоего пребуду, яко да возмогу питатися от крупиц падающих от трапезы твоея: Господь же благословит лета твоя, и даст тебе небесное царство, и аще имаши кого от своих негде странствующаго, здрава его да возвратит тебе. Евфимиан же слышав нища глаголюща о странствовании, вспомяну абие возлюбленнаго сына своего Алексиа, и бысть слезен, и абие милость нищему показа: повеле бо ему во дворе своем быти».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 486—487.

«И сретe отца своего идуща от царя полаты вспять с преди грядущими его в время обедное и поклонися ему глаголя: Рабе Господень, помилуй мя и сътвори заповедь на мне нищем и убозем и да почию в доме твоем и не деи мене в дворе твоем, да ся насыщу и аз с рабы твоими и от крупиц, падающих от трапезы твоея, и Господь да благословит лета твоя и дасть ти царство небесное и яже имаши в странных Бог благословит и насытит тя надежда его. Отец же его <...>, помянув о иночядем своем сыну и поим и в дом свои рече к домашним рабом: Которыи от вас хошет служити ему, да аще угодит ему, живь Господь Бог мои, яко свободен будет вся дни живота его, но причястие приемлет от дому моего».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 496.

«Поклонився убо в неких церквах, сретe отца своего, иже приходяше от палаты, со многим клеветством, по достоинству своему, и положив ему даже до земли поклон рече сия: молю благородие твое, сотвори милость ко мне странному и нищему: остави мя сести во едином углу палаты твоея питатися от крупиц падающих от трапезы рабов твоих, и Бог да благословит за добро сие дом твой да даст тебе небесное царство, и аще имаши и сродника некоего в странстве, да сподобит тя Господь видети его, якоже желает сердце твое. Сия слышав князь прослезися, вспомянув сыны своего, и умилосердовав взят убогаго, и призвав единого раба, егоже имяше прилежнейшаго, предаде ему Алексиа, повелевая ему, да ни едино иное попечение и мысль имать, токмо да устроит страннаго онаго во елико требует».

VIII—IX

К. С. 76.

«Двор Евфимиана, каморка Алексея у ворот, окна Матридиина терема *напротив*» (авторская ремарка. — А. Т.).

К. С. 76—77.

«Алексей. <...> Я каждый день вижу бедную Матридию, и ее слезы дают мне надежду на ее спасение. <...>».

ЧМДР. Март. С. 309—310 (Адр. С. 507).

«Еще же и другая вина терпения его предивнаго бе сицевая: противу хлевнины его бе окно тоя палаты, в нейже живяше невеста его, яже яко другая Руфь не восхоте ити в дом отца своего, но с свекровию своею седяше плачуши, и многажды слышаше святой рыдающую по нем невесту свою,

также и мать, и жалостнейшая словеса в плачи вещающих: ова бо о вдовстве своем, ова же о сыновнем лишении рыдаше <...>».

В редакции ВЧМ подобный фрагмент отсутствует (см.: Адр. С. 487).

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 496.

«Иже постави (речь идет о рабе, действующем по повелению Евфимиа-на. — А. Т.) его (Алексея. — А. Т.) во единой келлии малой, яже бяше на дворе близ каморы жены его».

Там же. Цит. по: Адр. С. 497.

«Не токмо же брань сию имяше преподобный, но и иное лютейшее, сиречь окно каморы невесты стояше к келлии преподобнаго, яже яко новая Руфь не восхоте ити в дом отца своего, но со свекровию своею седяху плачуще многжды и рыдающе, ова убо вдовства, ова же едиnorodнаго сына и любезнейшаго лишения».

Х—ХІ

К. С. 76—77.

«Алексей. <...> Мне сладко мое унижение, насмешки челяди, презрение прохожих и гостей».

К. С. 81.

«Алексей. Боже мой, Боже мой, мало того, что слуги надо мной издеваются, бьют, обливают помоями <...>».

К цитированию Х.

ЧМДР. Март. С. 309—310 (Адр. С. 507).

«...и сокрушаше сердце его (Алексея. — А. Т.) жалостию от тех рыдания, обаче любовию, юже святыи к Богу име, побеждаше любовь плотскую, яже к невесте и родителем, и нестерпимую жалость терпяше сладце Бога ради».

В редакциях ВЧМ и Анфологиона подобный фрагмент отсутствует (см.: Адр. С. 487; 497).

К цитированию Х—ХІ.

ЧМДР. Март. С. 309 (Адр. С. 506).

«Дивно бе сего человека Божия терпение: ибо многия пакости и озлобления раби ему творяху всегда, а наипаче в позден вечер. Овии бо заушаху, овии за власы терзаху, инии в выю ударяху, инии же помои на главу его возливаху, а инии инако ему ругахуся».

ВЧМ. Цит. по: Адр. С. 487.

«Отроцы же свои ему где вечер и молчание будяше, пакости ему творяху и ови убо которахуся с ним, друзии же заушаху, инии же пяху его, инии же паки опаница помывающе възливаху горе на главу его помыа».

Анфологион. Цит. по: Адр. С. 497.

«И первие убо понуждаше раби, искушати его. И инии убо укоряху его и заушаху, друзии же ляху на него от мытия сосудов, и иная безчиния многая творяху ему безстыднии».

К. С. 83—84.

«1-я служанка. <...> Я не помню такой духоты в марте.

2-я. Вы слышали, что *в пятницу, и в субботу, и в четверг папа в соборе* и весь клир и народ *слышали голос от алтаря, всегда тот же?*

Мастридия. Что же он говорит?

1-я. „*Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные*“. Все в городе это знают.

Мастридия. Я не знаю, я не слышала».

ЧМДР. Март. С. 310—311 (Адр. С. 507).

«Во един же день святейшему папе Иннокентию литургисающую в соборной святых апостолов церкви, и царю Онорию предстоящу, кончающейся же Божественной литургии, бысть глас чуден от святого олтаря во услышание всем, глаголяй: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы».

Там же. С. 311 (Адр. С. 508).

Всего от «олтаря» раздается три гласа. Глас, звучащий «вторицею», извещает: «...поищите человека Божия, от тела изыти хотящаго, да помолится о граде, и вся вам устроятся добре». В третий раз глас раздается утром в пятницу: «Бывшу же утру пятка (у Адр. — «светающую же пятку»), человек Божий Алексий святыи разлучися от тела своего, и отиде ко Господу. И бысть глас в церкви от олтаря, якоже и первее, глаголющ: в дому Евфимиановом человека Божия ищите».

ВЧМ. См.: Адр. С. 487—488.

Глас также раздается три раза; в соборе служит «Маркиан архиепископ».

Анфологион. См.: Адр. С. 499.

Глас также раздается три раза; в соборе служит архиепископ Иннокентий («Бяше же тогда архиепископ в Риме Иннокентий, иже якоже служаше во един день в церкви святых апостолов <...>»).

Таким образом, несмотря на большое количество полных и частичных совпадений текста «Комедии о Алексее человеке Божьем» с текстами соответствующего жития, только цитирования, обозначенные в нашем своде цифрами VIII и X, однозначно и безоговорочно указывают на то, что Кузмин пользовался текстом жития в редакции св. Димитрия Ростовского: фрагменты, подобные цитируемым, отсутствуют в других редакциях этого жития. Если просмотреть подготовительные выписки Кузмина из рабочей тетради первой половины 1900-х гг., то лишь запись «окно против конуры» — рассматриваемая, разумеется, в контексте сопоставленных текстов — подтверждает этот вывод.

Кроме данного доказательства обращение к авторским подготовительным выпискам и своду цитирований позволяет высказать некоторые соображения о принципах работы Кузмина с текстом-источником.

В теоретическом исследовании «Модерн как предавангардный стиль: Михаил Кузмин» М. Медарич справедливо отмечает, что для Кузмина, как представителя искусства модерна, было исполнено значения «не только исходить из требований стиля как самой важной категории в искусстве, но

и создать „стиль эпохи“ во всех проявлениях жизни». ⁵⁸ Но при этом она рискует „заверить нас в том, что при создании прозаических, стихотворных и драматических стилизаций «конкретные, отдельные тексты или конкретные авторы» «не являются» для Кузмина «образцами». ⁵⁹ Наоборот, согласно мнению исследовательницы, «чаще всего Кузмин стилизует какой-либо средний образец литературного стиля или интересующей его стилиевой эпохи». ⁶⁰ Поэтому совершенно естественно, что вопрос о художественной природе комедий М. Медарич решает в привычном, хрестоматийном ключе: «Особый интерес представляет стилизация в его (Кузмина. — А. Т.) богатом драматическом творчестве. В этом смысле наиболее значительными являются две ранние книги с театральными пьесами *Три пьесы* (1907), *Комедии* (1909), хотя, собственно говоря, и целый ряд более поздних пьес также представляет собой стилизации». ⁶¹

Совсем не касаясь проблемы поиска источника произведения, ориентированного на литературу иной эпохи, и цитирования Кузминым такого текста, М. Медарич делает в корне неверные выводы и оценки. Как видно из вышеизложенного, а также приведенных выписок и свода цитирований, Кузмина — автора комедий интересуют именно детали *конкретного* текста, определенной редакции жития. Определенной, конечно, не в смысле сопоставления или противопоставления ее — иным редакциям, но как основного источника приобретения деталей, или, по выражению критика, «блесток». Целью введения таких художественных деталей в новый текст является, с одной стороны, создание реального исторического колорита представляемой автором эпохи, а с другой — придание им современного, живого звучания в окружении заново, уже без всякой цитатной связи с житием-источником, сочиненного текста. В этом процессе *конкретная*, как было доказано, редакция жития функционирует именно как «образец», но образец не для подражания, а, напротив, ради отталкивания, переосмысления, перекодировки. Уместно вновь вспомнить и то, что, согласно воззрению Кузмина, изложенному в его программной статье той поры «О прекрасной ясности: Заметки о прозе» (1909; публ. 1910), «стилизация — это перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в *точную литературную форму данного времени*». Комедии были написаны им совсем не так.

Действительно, специальных исследований, посвященных проблемам функционирования и классификации цитат в произведениях Кузмина, пока не появилось. ⁶² По этой причине распространение общих, чисто умозрительных суждений, подобных замечаниям М. Медарич, не имеет ограничений. Между тем проблема цитирования воспринимается современной наукой о литературе как одна из наиболее активных областей генерации

⁵⁸ *Medarić M.* Модерн как предавангардный стиль: Михаил Кузмин // *Russian Literature*. 1994. Vol. 36. [N] 1. P. 72.

⁵⁹ *Ibid.* P. 73.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ *Ibid.* P. 74.

⁶² В отличие, например, от А. Блока, см.: *Мицц З. Г.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. [Вып.] 6. С. 387—427 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 308). Использование предложенной автором достаточно формальной классификации цитат у Блока ограничено рамками лирического текста и пределами текста символистского.

художественных смыслов произведения, как сфера взаимодействия культурных систем, ориентированная на ту или иную степень дешифровки воспринимающим (читательским) сознанием.

В отсутствие специальных исследований по интересующей нас проблеме нелишне обратить внимание на те суждения исследователей о межтекстовых взаимодействиях произведений Кузмина и их источников, которые встречаются в трудах, посвященных иным темам. В исследовании, затрагивающем функции стихотворных вставок в прозе Кузмина, голландский автор попытался найти решение вопроса и о принципах цитирования: «...у Кузмина <...> отношение <к претексту> редко положительное, как *hommage*, или как свидетельство о принадлежности к культурной традиции, а чаще всего цитирование у него влечет за собой отрицательные последствия для процитированного претекста. Он иронизируется, пародируется, даже осмеивается, как минимум претерпевает некоторое снижение».⁶³ Развивая эту мысль на материале комедий, можно заметить, что цитатный уровень в произведениях Кузмина выступает своего рода основанием, опорой, фундаментом при создании произведений, обладающих совершенно иными идейными и жанровыми характеристиками, нежели их источник. Более того, если не ограничивать понятие цитирования случаями буквальных или текстуально близких словесных совпадений между источником и новым произведением, а воспринимать его как *взаимодействующее соотношение двух текстов*, то можно говорить о том, что задачей Кузмина — автора комедий является смена культурного кода, иными словами, создание пьес, принадлежащих иной культурной системе.

Прежде чем обсудить характер возникающего в комедиях взаимодействующего соотношения с текстами житий, из числа научных трудов, в которых обсуждается проблема цитирования, представляется неизбежным выделить исследование И. П. Смирнова «Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX — начала XX вв. (На материале «Слова о полку Игореве)».⁶⁴ Остановимся на том, как автор статьи описывает «расширительно» понимаемую цитату: «Отыскание источников художественного произведения всякий раз требует от исследователя определения тех правил, которыми руководствуется автор, цитирующий чужую речь. Понятие литературной цитации правомерно использовать как узко (буквальное или близкое к буквальному совпадение каких-либо фрагментов двух текстов), так и расширительно. В последнем случае термин „цитата“ будет обозначать любого вида переключку, соединяющую между собой литературные памятники, всякое реминисцентное содержание, извлекаемое нами из произведений. Цитатный характер с этой точки зрения могут иметь и *элементы словесного облачения, и сам сюжет*; понятая таким образом цитата может быть результатом и сознательной, и бессознательной установки автора на воспроизведение признаков чужой речи. <...> для художественной прак-

⁶³ Haard E., de. Поэзия в прозе Михаила Кузмина: Стихотворные вставки // Russian Literature. 1997. [Vol.] 42. [N] 3—4. P. 292—293.

⁶⁴ См.: Блоковский сб.: [Вып.] 4. Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики. Тарту, 1981. С. 246—276 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 535).

тики (в отличие от научной) наиболее показательны небуквальные соответствия связанных друг с другом текстов».⁶⁵

Даже при беглом просмотре приведенного свода цитирований видно, что мы тоже рассматриваем цитаты из жития-источника не в узком смысле, а «расширительно». Однако «расширительному» пониманию цитаты в нашей статье свойственно несколько иное смысловое наполнение и более узкое значение, чем в статье И. П. Смирнова. Во-первых, это обусловлено ориентированностью нашей работы на художественную систему М. Кузмина, в то время как И. П. Смирнов выбирает «такой источник цитат, который был актуален для разных писательских поколений и явился своего рода „ключевым“ текстом национальной культуры».⁶⁶ Во-вторых, иной взгляд на цитирование источника связан с особенностями жанровой перекодировки сопоставляемых произведений. Каждая из трех комедий вступает во взаимодействие с соответствующим ей текстом жития строго определенным образом: пространства текстов открыты друг для друга и, как правило, закрыты для внешних воздействий.⁶⁷ Напротив, объекты исследования И. П. Смирнова во всем их множестве взаимодействуют с общим для всех источником — «Словом о полку Игореве», а также — в некоторых случаях — и друг с другом.

Скорее всего, цитирования «Комедии о Алексее человеке Божьем» следует воспринимать как явление многоуровневое. К первому ряду цитат относятся буквальные и близкие к источнику совпадения с житийным текстом. Значительная их часть была зафиксирована в подготовительных выписках, которые, пожалуй, должно рассматривать в качестве конспекта жития, сделанного при его прочтении. В процессе чтения внимание Кузмина было сосредоточено на фиксации сюжетной канвы жития и всевозможных деталей, таких как количество слуг у отца Алексея Евфимиана и особенности их одежды, перечень наук, которые изучал Алексей, название церкви, где происходило венчание, и т. д. Введение их в текст комедии должно было способствовать созданию в глазах читателя и/или зрителя иллюзии исторической подлинности изображения.

Ко второму уровню можно отнести цитаты имен и/или действующих в пьесе лиц. Например, имена отца и матери Алексея — Евфимиан и Аглаида — вводятся Кузминым в комедию из текста жития. Однако имя жены Алексея — Матридия — нигде в житии не упоминается; в нем речь идет об «отроковице от рода царска». С другой стороны, в кузминской пьесе появляются персонажи, чье существование никак не мотивировано текстом

⁶⁵ Там же. С. 246. Курсив наш. — А. Т.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Возможно, это не вполне верно для «Комедии о Алексее человеке Божьем», в которой отступления от текста-источника могут возникать не только благодаря творческой авторской воле, но и другим текстам. Так, например, замена горлицы из плача Матридии на воробышка, выпускаемого ею из клетки, и наименование усопшего человека Божия Фениксом могут быть соотнесены с текстом Физиолога. См.: *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. [СПб.]: Изд. Императорского об-ва любителей древней письменности, [1890]. С. 318, 202—203 (отд. паг.). Если горлица, согласно Физиологу, «жить в пустыни», «не любите посреди чади быти» («Тако и Спас наш живяше в горе Елеонстии»), то упоминание ее в житии, вполне уместное для характеристики горя оставленной Алексеем жены, не устраивает Кузмина, изменяющего и переделывающего многие смысловые акценты источника.

жития. Так, по возвращении в Рим Алексей до встречи с отцом разговаривает с Лавочником, который и рекомендует страннику обратиться к «благородному Евфимиану» с просьбой о предоставлении ему пристанища. Между тем в житии Алексей встречается с отцом без участия посредников, сразу после приезда в Рим. Таким образом, в данном случае можно наблюдать введение действующего лица, которое является плодом авторской фантазии. Наиболее вероятно, что фигура Лавочника возникает исключительно ради сценичности, развития процесса драматического действия.⁶⁸ Очевидно, возникновение авторского вымысла такого рода можно наблюдать лишь на фоне точно определенных ранее цитирований.

Любопытное нововведение относительно текста житийного источника можно наблюдать в Картинах первой Части второй «Комедии о Алексее...» (ср. цитирование VI). Нигде в житии не говорится об общении Алексея с блудницами, тогда как в комедии он назван Богородицей (!) «другом блудниц» (реплика Пономаря). Кошунственный мотив общения Алексея с пятью блудницами был ранее развит в диалоге, развернутом в первой половине этой картины. После общего разговора с Алексеем пятая блудница поет песню, начинающуюся словами: «Говорит веселая Лизиска: / „Море близко, / Поедем туда, полетим, / Где шумит семихолмный, вечный Рим!“ / Отвечает хозяйка Омфала: / „Моря мало, / Нужны нам еще паруса — / И чтоб скрылась под шапкой твоя коса. / Или, давай, острижем твои косы, / Ноги босы, / Куртка закроет грудь, / Как матросы поедем в дальний путь“».

Можно предположить, что редкое имя Лизиска переходит в текст комедии из современной книги — пьесы Франка Ведекинда «Пляска мертвых», русский перевод которой был выполнен поэтом П. П. Потемкиным, адресатом посвящения «Комедии о Алексее...» в первой, журнальной публикации. Отдельное издание перевода вышло из печати в середине 1907 г. и было послано Кузмину переводчиком. Автор комедии получил книгу 7 июня.⁶⁹ Хотя в Дневнике сообщается о завершении работы над «Комедией о Алексее...» тремя днями ранее,⁷⁰ следует помнить о том, что, согласно тому же Дневнику, работа над «2-й картиной» (под которой, скорее всего, подразумевается вторая часть: из трех частей комедии на две картины поделены лишь вторая и третья части) была закончена 13 мая,⁷¹ еще в Петербурге, в период достаточно частых встреч и общения с Потемкиным (4, 7, 9, 10, 15, 18, 19 апреля, 1, 7, 10 мая).

⁶⁸ При переводе житийного текста-источника из повествовательного в драматический род иногда возникают изменения и другого типа — например, меняется субъектная принадлежность цитируемой речи. Так возникает та сцена в «Комедии о Мартиниане», где, желая спастись от искушения, монах прыгает на раскаленные угли очага. Все, что в тексте жития принадлежит авторской речи, передается Кузминым в уста Мартиниана и Зои, и рождается драматический диалог героев.

⁶⁹ См.: Кузмин М. Дневник 1905—1907. С. 369; ИРЛИ, ф. 172, № 321, л. 195. Речь идет об издании: Ведекинд Ф. Пляска мертвых: Три сцены / Перевод [П. П.] Потемкина. [СПб.]: Eos, [1907].

⁷⁰ См.: Кузмин М. Дневник 1905—1907. С. 368. За день до этого, 3 июня, Кузмин сообщал: «Писал стихи к „Алексею“ <...>» (Там же).

⁷¹ См.: Там же. С. 360. Более ранние записи в Дневнике на ту же тему: «Обязательно бы начать „Алексея“» (25 апреля; Там же. С. 352); «Да и „Алексея“-то пишу через пень-колоду, хотя в этом году и написал очень много» (6 мая; Там же. С. 357).

В пьесе Ведекинда Лизиска — девушка с «белым бантом в распущенных волосах», которая бежала из дома родителей Эльфриды фон Мальхус, члена Международного общества борьбы с торговлей девушками, и довольно долго ускользала от искавшей ее Эльфриды. В одном из отчетов Общества она прочитала о газетных объявлениях, с помощью которых торговцы под различными предлогами заманивают девушек для последующей продажи, и, найдя такое объявление, написала письмо о своем согласии. Встретившиеся в первой сцене Эльфрида и хозяин дома Касто Пьяни, сторонник разрушения брака, апологет чувственного наслаждения и защитник проституции, наблюдают вторую сцену между Лизиской и Кенигом; зрелище любви и общения последних заставляет 28-летнюю Эльфриду пересмотреть свои жизненные принципы. «Без утоленья мое сладострастье / Ищет исхода, ищет кончин / На дне всех пучин!», — заявляет «веселая» Лизиска Ведекинда-Потемкина.

Следующий, более высокий уровень цитирований составляют цитаты сюжетного развития, соблюдение/несоблюдение следования повествовательной канве жития. Обычно в житийном тексте рассказ ведется обо всем жизненном пути объекта повествования с рождения до смерти и могут описываться посмертные чудеса, знаменующие кончину праведника. Как следует из сделанных Кузминым выписок, он внимательно и до конца проштудировал текст жития. Последние записи «34 года прожили. 17. Марта 411 г. Визант<ия> Феодосию Юнейш<ему>» относятся к сообщениям о плаче невесты Алексея: «Такожде и невеста, тридесять и четыре лета без жениха своего прежившая, черныя одежды носящи, падаше на святягы мощи, токи слезныя испущающи, и омочающи ими честное возлюбленнаго своего тело, и несытною любовию лобызающи: рыдаше же горько и неутешно <...>» (ЧМДР. Март. С. 313) — и о времени кончины человека Божия, когда «в Константинополе же царство державшу Феодосию Юнейшему, всеми же владеющу Господу нашему Иисусу Христу, со Отцем и Святым Духом, Емуже слава во веки, аминь» (Там же. С. 315). Между этими фрагментами в житии рассказано о том, что одр с почившим Алексеем человеком Божиим был поставлен в городе и народ, приходивший прикоснуться к мощам, исцелялся от недугов. Царь и патриарх сами взялись отнести одр в церковь, что было сделано с немалым трудом лишь после того, как папе удалось убедить людей расступиться в ответ на обещание не погребать усопшего в течение семи дней (дабы все страждущие могли прикоснуться к мощам и исцелиться). Все изложенное отсекается Кузминым драматургом, во-первых, по причине идеологического несоответствия характеру его пьесы, а во-вторых, в целях сжатия и концентрации драматического действия.⁷²

Подведем итоги. Сравнение текста «Комедии о Алексее...» с различными редакциями жития Алексея человека Божия и находящимися в рабочей тетради Кузмина 1900-х гг. подготовительными выписками-конспектом

⁷² В качестве другого примера здесь уместно сослаться на исключение Кузминым из действия «Комедии о Евдокии...» обширной заключительной части жития святой, где излагается судьба подвижницы после преодоления искушения, сотворенного Филостратом, и ухода соблазнителя прочь от ее обители.

этого жития с кратким планом пьесы о святом позволяет установить конкретный источник комедии и составить свод цитирований, обнаруживаемых в ее тексте при соотнесении его с текстом жития. На основании данного свода и благодаря анализу авторских выписок из текста-источника можно сделать предварительную оценку характера и принципов сложной и многоуровневой цитатности в «Комедии о Алексее...». Точное определение удельного веса цитирований в пьесе Кузмина позволяет с полным основанием рассматривать ее как семантически сложный и многослойный текст, в котором на фоне драматического действия ведется как явная, так и скрытая полемика с религиозным типом культуры,⁷³ в которой, как виделось некогда Кузмину, «истина как божественное откровение, правая вера и правоверная жизнь и быт — одна». При этом полемически заостренное, спорящее начало практически не оставляет пределов цитатных уровней, позволяя рассматривать пьесу в целом как результат оживления и адаптации омертвевшей религиозной истины для нужд современного литературного и бытового сознания. В то время как пародийный и кощунствен-

⁷³ Если оперировать иными терминами, то мы имеем в виду тип культуры, которой «своевременно представление о себе как о совокупности нормированных текстов» и «характеризующейся преимущественной направленностью на выражение» (Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. [Вып.] 5. С. 152—153 (Учен. зап. ТГУ. Вып. 284)). Жития являются произведениями культуры данного типа. В ее рамках функционирует «совокупность нормированных текстов» и «основной оппозицией будет „правильное—неправильное“ (именно «неправильное», а не «не-правильное»: эта оппозиция может приближаться — до совпадения — к противопоставлению «истинного» и «ложного»)»; такая культура противопоставлена «системе с отрицательным знаком» (Там же. С. 154). Комедии о святых свидетельствуют о процессе эволюционирования творчества Кузмина как персональной культурной системы в сторону культуры, «направленной преимущественно на содержание», «моделирующей себя как систему правил» (Там же. С. 153). В культуре этого типа «основной оппозицией является „упорядоченное—неупорядоченное“ (эта оппозиция в частном случае может реализовываться как противопоставление «космос—хаос», «эктропия—энтропия», «культура—природа» и т. п.)» (Там же. С. 154). Этим мыслям ученых находится подтверждение в статье Кузмина «О прекрасной ясности: Заметки о прозе», в которой сформулированы принципы желательной творческой модели и тем самым подведены итоги эволюции собственного творчества в 1900-е гг.; ср.: «Есть художники, несущие миру хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие — дающие миру свою стройность. Нет особенной надобности говорить, насколько вторые, при равенстве таланта, выше и целительнее первых»; «...мы считаем непреложным, что творения хотя бы самого непримиренного, неясного и бесформенного писателя подчинены законам ясной гармонии и архитектоники» (Аполлон. 1910. № 4. Янв. С. 5; 6 (1-я пар.)). О завершении разработки собственных «правил» создания художественных текстов свидетельствует статья Кузмина «Раздуть и недоумения Петра Отшельника» (1914): «Произведение искусства нельзя познавать по плодам, потому что оно само уже есть плод. Судить его можно по тому, что оживляет, делает искусством мысли, чувства и фабулу, но может существовать и без них. Это — с о й г л а з. Глаз поэта, отличный от всех, не сделанный другим, а рожденный с этим отличием, который можно развивать и забросить, но которого нельзя приобрести» (Петроградские вечера. Кн. 3. [СПб.]: М. И. Семенов, [1914]. С. 215). В это же время Кузмин, согласно воспоминаниям поэта и одного из редакторов журнала «Опыты» В. Л. Пастухова (1894—1967), убеждал молодых стихотворцев «говорить о том, что ты увидел „новыми глазами“». Острота восприятия мира такая интенсивная, как будто ты увидал мир в первый раз — сегодня родился, завтра умрешь, — только и создает настоящую поэзию» («Страна воспоминаний», 1955; цит. по: Воспоминания о Серебряном веке / [Сост., автор вступ. статьи и коммент. В. Крейд]. М.: Республика, 1993. С. 456).

ный элемент целиком и полностью определяется цитатными уровнями комедии, пьеса в целом вовсе не лишается религиозного начала, что впоследствии, при издании трех комедий в одном томике, будет подчеркнута авторским предисловием — характерным свидетельством общения в духе с «милыми моими героями», «возлюбленными помощниками». В биографическом плане «Комедия о Алексее...» может восприниматься как знак перехода Кузмина от длительного периода религиозных исканий молодости и ранней зрелости к эпохе становления человеком литературы, театра и дружеских кружков, не предполагающей, однако, разрыва с христианской культурой. Не менее существенно и то, что наряду с «Комедией о Мартириане» «Комедия о Алексее...» является апофеозом и гимном мужской ответственности, что в случае Кузмина биографически значимо; поэтому детали житийного текста, связанные с описанием бегства Алексея от своей жены после венчания, сохранены и на цитатном уровне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«КОМЕДИЯ О ЕВДОКИИ ИЗ ГЕЛИОПОЛЯ»

1. Выписки

Траян
Гелиополь в Келесирии. Финикия Ливанска
епис<коп> Феодот
злата литр 2 тмы (20000)
утварей без чи<сла>
камен<ей> многоц<енных> и бисеров ц<арских> б<ез числа>
шелков<ых> одеж<д> 275 ковчего<в>
белых льн<яных> 410 ковч<егов>
златоткан<ных> 160 ковч<егов>
кам<ением> ч<естным> и злато<швенным делом украшенных> 15<2>
ков<чега>¹
прост<ых> од<ежд> 123 больш<их> ков<чега>
злата знамен<ного> 25 000 <златиц>
ароматов² 20 ков<чегов>
индийск<их> мир наст<оящих>³ 33 ков<чега>
сребра в сосуд<ах> — 8000 литр
шелк<овых> завес злат<ом швенных> — 132 лит<ры>
завес <просто> шелк<овых> — 70 литр
доход — 802000
70 мон<ахов>, 30 мон<ахинь>, игу<менья> Харитина умер<ла через>
13 мес<яцев>

¹ В ркп. ошибочно: златотк<анных>; 150.

² В ркп. неточность. В тексте жития: ароматных благовонных вещей.

³ В ркп. неточность. В тексте жития: истых.

Филострат, одет мон<ахом>, снач<ала> к Ев<докии>
потом к Герману (читал книгу)
(пример Евдокии)
Бог отмщения да запретит тебе (дунула)⁴

2. План

I

1) Улица проход<ит> Евдокия пр<еподобный> Герман
Филострат.

2) Евдокия п<оет? ишет?> стихи служанки о суете
слышит

3). Песенка ангела об обращении
обращ<енный> перечисляет богатства

4) Серенада говор<ит?> что ушли

—
Ангел

—
1. Филострат с Германом (слова Герм<ана>)

2. Евдокия с сестрами. Яв<ляется> Герм<ан> с Филос<т>р<атом>
Евдокия. Филострат. Чудо. уходят.

—
Ангел⁵

«КОМЕДИЯ О МАРТИНИАНЕ»

1. Выписки

близ Кесарии Палестинской гора
Ковчезное место — монахи.
красив 18 л<ет> постригается и пробыл
25 л<ет>

дьявол в виде змия будто хотящего
подкопать келью, потом в мрачный
вихрь

Женщина побилась об заклад
оделась в рубища, в мешке
наряды, ночью в дождь просилась

---

⁴ ИРЛИ, ф. 172, № 321, л. 92 об.—93.

⁵ Там же, л. 93.

дал финики, пустил к огню.
пел <в> 3 час и лег, возмутися похотью
она оделась, утром; Слышала о юности
и красоте: не рече ли Павел апостол
о пророках (Енох, Авраам до 3 <жен>,
Исаак, Иаков 2 ж<ены> и 2 наложн<ицы>
Моисей, Давид<)>. За руки хватать.
Чем питать? Имею дом и пищу
Пошел на камень помолиться,
хворост зажег и сняв сандалии
вскочил. Бросает в огонь все
драгоценности, к ногам св<ятого>
Иди в Вифлеем к Паулине
(построившую церковь<)>. Дал фиников
на дорогу. (Зоя.)
через 7 м<есяцев> убегает к Морю Кораблени<к>
отвез на необит<аемый> остров. Отроковица на
доске, подал руку, бросился в море,
(несется дельфинами) бегал 2 года 164 город<а>
в Афины, вниде в церковь⁶

2. План

1. 1) Зоя со слугами. Отправляет слуг
пересчит<ывает> наряды. Ругается.
2) разговор «Окаянного» «Дурачка» <нрзб. одно (?) слово> etc.
4) притв<оряется> спящей, он смотрит, выходит
<далее приписка нрзб.>
5) пляшет одевается
6) одета «Мартиньян мой милый, погляди на мен<я>»
7) вскакив<ает> в огонь. Она снимает одеж<ды>
8) посылает в Вифлее<м>. Бьет его и рыд<ает>
2. 1) Мартинь<ян> ходит. буря. песня.
2) Левкадия. спасает
3) приводит в чувство. радуется. Оказыв<ается>
женщиной. Бросается в море. Левк<адия>
умоляет его.⁷

---

⁶ Там же, л. 95 об.—96.

⁷ Там же, л. 97.